

Материализация отвлеченных понятий в романе А. Платонова «Чевенгур» (на примере номинаций чувств, ощущений и эмоций)

Бурцева Алла Олеговна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Одна из частотных языковых аномалий в творчестве Андрея Платонова – смещение номинаций между различными классами объектов действительности. В романе «Чевенгур» абстрактным понятиям часто приписываются свойства материальных объектов. Анализ текста показывает, что материализация абстракций распространяется на понятия *любовь, совесть, позор* и т. д., то есть на чувства, ощущения и эмоции. Они способны достигать разной степени материальности. Выделяются три ступени: вещество, неживой предмет и нечто живое.

Вещество – первая ступень материализации абстракции. На этот процесс указывает возможность *сенсорного восприятия* отвлеченных понятий как веществ, например, словосочетание «пахло лекарством и печалью» [Платонов: 225]. Номинация *пахло печалью* – материализация на базе метонимии (пахнет тем, что ассоциируется с печалью). Аномальная конструкция делает печаль и лекарство объектами одного порядка. Лекарство является веществом.

Далее по тексту отвлеченное понятие может оформиться в предмет. Этот процесс реализуется в размышлениях Саши: «не одной *литой верой* движутся люди, но также и *дребезжащим сомнением*» [Платонов: 227] (здесь и далее курсив мой – А.Б.). Номинации «литая» и «дребезжащее» указывают на материализацию понятий *вера* и *сомнение*. С одной стороны, они тоже приобретают черты вещества – избираются качества предметов, сделанных из металла. Абстракция воспринимается сенсорно. *Сомнение* издает слышимые человеческим ухом звуки, а веру можно увидеть. С другой – это именно предметы, а не просто некий металл. В отличие от *печали, сомнения* и *вера* имеют форму. Понятия противопоставлены: *вера – литая*, т. е. нечто статичное и цельное, *сомнение* находится в движении и состоит из отдельных компонентов (поэтому оно *дребезжит*).

В ходе сюжета материализация абстракций усложняется и переходит на новую ступень – отвлеченные понятия приобретают черты живого существа: «Над всем Чевенгуром находилась *беззащитная печаль* – будто на дворе в доме отца, откуда недавно вынесли гроб с матерью, и по ней тоскуют, наравне с мальчиком-сиротой, заборы, лопухи и брошенные сени» [Платонов: 333]. На материализацию указывает словосочетание *находилась печаль*. При этом печаль *беззащитная*, а беззащитным может быть только живое существо. В первой части предложения номинация формируется только на базе *метафоры-олицетворения*. Печаль – человеческое чувство – существует в отрыве от человека. Она просто находится *над Чевенгуром*. Но во второй части словосочетание *беззащитная печаль* *метонимически* описывает состояние осиротевшего мальчика. Благодаря *сравнению*, относящемуся ко всей первой фразе, раскрывается способ образования этой номинации. Ребенок остался беззащитен без матери, поэтому и печаль его *беззащитная*. Чувства ребенка переносятся на его родной дом и двор, а через сравнение на Чевенгур. Следовательно, город уподобляется осиротевшему мальчику. Мы имеем дело со *сложной номинацией-тропом* – контаминацией метонимии и метафоры через сравнение.

Отдельная группа – *смещения* номинаций, которые локализуют эмоцию в теле человека: «Его сильно тронуло горе и сиротство – *от какой-то неизвестной открывшейся в груди совести*» [Платонов: 70] (о Захаре – А.Б.). Указано не только местонахождение совести в груди Захара, возникает параллель *совесть – рана*. Ср.: *открывшаяся в груди рана*.

Другая подобная аномалия – осмысление чувств как внутренних жидкостей. «В нем *поднялась едкая теплота позора* за взрослых» [Платонов: 82], – говорится о Саше.

Прилагательное *едкий* сочетается и с жидкостями, и с газами. Но теплой бывает скорее жидкость (слово *теплота* здесь – *метонимия*). Прослеживается ассоциация с желчью. Она находится внутри человеческого тела и мыслится как едкая. Слово *поднялась* дополняет описание позора как теплой едкой жидкости, напоминая о словосочетаниях типа *вода поднялась*. Далее по тексту глагол *подняться* достаточно часто описывает различные эмоции, причисляя их к классу жидкостей.

Иногда номинации, превращающие чувство в часть тела и делающие его жидкостью, встречаются в одном контексте: «Дальше Дванов начал уставать и шел, *ощущая скуку внутри всего тела. Скука утомления сушила его внутренности*, трение тела совершалось ту же – *без влаги мысленной фантазии*» [Платонов: 154]. В отличие от *совести*, *скука* расположена не в конкретной точке, а распределена по всему телу человека. У нее есть и другие материальные свойства – она *сушит внутренности*. А *влага мысленной фантазии* действует как смазка – помогает телу двигаться. *Скука* и *фантазия* взаимодействуют с телом человека и между собой. Все это напоминает работу механизма.

Подобный обмен веществ на уровне чувств встречается не раз. Описывая переживания персонажа, Платонов использует обороты типа *вода сознания*, *озеро чувств*. Они не просто существуют в теле человека, но и вступают во взаимодействие с ним и между собой. Аномальные номинации элементов человеческого сознания, указывающие на осмысление их как жидкостей, представляют собой устойчивую систему.

Описанная тенденция реализуется как в речи повествователя, так и в речах персонажей. Это особенность мира романа «Чевенгур». С помощью языковых аномалий на уровне номинации строится *альтернативная реальность*. Материализуясь, отвлеченное понятие становится ближе человеку, осязаемым *физически*. Проявляется стремление «пощупать все руками». Человек в объективной реальности чувствует себя потерянным, поэтому необходимо создать иную, что совпадает с общей тенденцией поиска опоры, характерной для творчества Платонова этого периода. Чувства, ощущения, идеи, родовые и собирательные понятия – нечто неосоздаемое, зыбкое, т.е. неустойчивое. А описанный выше процесс направлен на преодоление этой неустойчивости.

Литература

Платонов А.П. Котлован: Романы, повести, рассказ. СПб., 2005.